

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ СЕНТЯБРЯ 2014 Г.

С.Жаворонков

В сентябре 2014 г. правительство утвердило проект очередного бюджета, отказавшись от повышения налогов и найдя промежуточное решение по сохранению накопительной пенсионной системы, которая, вместе с тем, остается в подвешенном состоянии. Зато бюджет весьма оптимистично оценивает цены на нефть, что может и не оправдаться. Сохраняются значительные инфляционные и девальвационные риски. Прошедший единый день голосования не принес каких-либо сенсационных результатов и показал относительное повышение поддержки «Единой России» на фоне низкой явки избирателей (треть против двух третей на федеральных выборах). Домашний арест крупного предпринимателя В. Евтушенкова создал очередной весьма неблагоприятный прецедент для крупных инвесторов, особенно учитывая то, что ныне инкриминируемые ему сделки были совершены с ведома российских властей относительно недавно. На Украине установилось относительное затишье, что дает надежду на деэскалацию конфликта по принципу «статус-кво».

В сентябре 2014 г. впервые за несколько месяцев на Украине произошла определенная стабилизация ситуации, и большее внимание привлекли события в России, в частности, состоявшийся единый день голосования 14 сентября 2014 г., принятие Правительством РФ проекта бюджета на следующий год и связанные с этим социально-экономические дискуссии, а также возникновение «дела Башнефти» – очередного крупного передела собственности.

Тем не менее начался месяц с подписания в Минске 5 сентября соглашений о перемирии с участием довольно странной компании: посла России на Украине М. Зурабова, бывшего президента Украины Л. Кучмы, официального представителя ОБСЕ Х. Тальявини и двух представителей самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик. Его контуры оказались близки к тому, о чем говорилось в предложениях Европейской комиссии конца августа, а в начале сентября примерно те же предложения поддержал В. Путин: прекращение огня, отвод тяжелых вооружений на 30 км от линии противостояния, обмен пленными, амнистия, обозначение некоего «особого статуса» настоящей территории в составе Украины, наличия там неких «народных дружин» и проведение там неких «местных выборов» до конца этого года. Последние три пункта были сформулированы нарочито расплывчато, что дает основания обеим сторонам делать вид, что речь идет именно об их формулировках. Расплывчатая и территория, о которой идет речь. По смыслу соглашений, позже дополненных другими протоколами, а также внесенным президентом Украины П. Порошенко и принятым радой законопроектами, фактически, речь идет об особом статусе не

всей территории Донецкой и Луганской областей, а именно той, которую контролируют сейчас самопровозглашенные республики. Но четкой границы она, впрочем, не имеет. Интенсивность боевых действий существенно снизилась, хотя отдельные перестрелки продолжают продолжаться. Фактически, затишье продолжалось весь сентябрь. В сентябре прошли также относительно успешные переговоры о разрешении газового конфликта. Напомним, с июня Россия прекратила поставки газа на Украину (осуществляется только транзит) в силу разногласий по цене контракта и наличия задолженности Украины за уже поставленный газ (Украина признавала наличие долга, но объявляла о готовности его гасить только после окончательного соглашения, соответственно сохранялись значительные разногласия по сумме долга в силу того, что непонятно, к какой цене необходимо вернуться по истечению первого квартала 2014 г.). Началось судебное разбирательство в Стокгольмском арбитраже, которое может длиться годами, между тем, с приближением зимы взаимные проблемы с поставками газа и транзитом угрожали одновременно и России, и Украине, и европейским странам. Пока контуры этого соглашения (окончательно оно не достигнуто) выглядят так, что Украина гасит часть задолженности, после чего в течение зимнего периода будет действовать некая «временная» цена на поставки газа в районе 370 долл. за 1000 куб.м. – т.е. примерно близко к той цене, на которой настаивала Россия летом. Если это случится, то будет сделан еще один важный шаг к урегулированию. Между тем еще до перемирия США и Европейский союз расширили перечень санкций против России. К списку компаний, в отношении которых запрещено привлечение финан-

сирования на срок свыше 30 дней, а также запрещена поставка оборудования для добычи нефти на шельфе, в море и разработки сланцевой нефти, ЕС добавил «Роснефть», «Транснефть» и «Газпромнефть», а также было принято решение о запрете кредитования «Уралвагонзавода», ОАК и «Оборонпрома». США снизили срок допустимого финансирования Сбербанка, Банка Москвы, Газпромбанка, Россельхозбанка, ВЭБ, ВТБ, «Ростехнологий» с 90 до 30 дней, «Газпромнефть» и «Транснефть» получили запрет привлечения финансирования на срок свыше 90 дней, и практически все российские крупные компании (включая отсутствующие в европейской списке «Газпром», ЛУКОЙЛ и «Сургутнефтегаз») получили запрет на поставку им товаров, услуг и технологий для добычи нефти на шельфе, в море и сланцевых пластах. Было объявлено, что эти санкции могут быть пересмотрены как ЕС, так и США в случае прогресса мирного урегулирования на Востоке Украины. Впрочем, по ЕС, который должен будет рассматривать этот вопрос 30 сентября, быстрое решение проблематично точно так же, как в августе ЕС потребовалось почти три недели на согласование новых санкций из-за необходимости консенсуса. После этих решений помощник Президента РФ, бывший министр экономики А. Белоусов заявил, что Россия готова запретить импорт дешевых автомобилей и одежды, однако пока его слова развития не получили – видимо, в том числе в связи с сомнениями в популярности таких решений.

В сентябре российская оппозиция и сторонники В. Путина («Единая Россия» с примкнувшими к ней остальными тремя парламентскими партиями) обменялись массовыми митингами, которые позиционировались как митинг «за мир» (подразумевая, что российские власти виновны в его нарушении) и митинг «памяти жертв войны» (подразумевая, что виновны в них украинские власти) 21 и 27 сентября соответственно. Численность акций, по разным подсчетам, была в районе 10–40 тысяч человек, то есть, в целом, сопоставима. Примечательно, что никакой массовой акции не смогли организовать независимые от «Единой России» сторонники поддержки непризнанных республик – таким образом, за полгода с момента мартовских событий они так и не вышли за пределы интернета.

В сентябре 2014 г. состоялся очередной единый день голосования. Он привлекал внимание по целому ряду причин: это первая большая группа голосований после начала российско-украинского конфликта (ранее состоялись только несколько досрочных выборов) и первая после радикальных поправок в избирательное законодательство весны 2014 г., означавших лишение новых партий

права выдвигать кандидатов без сбора подписей, резкое – в шесть раз – увеличение количества требуемых подписей и восстановление «досрочного голосования»¹. Во всех регионах кроме Москвы выборы прошли по партийным спискам, в Москве – городе с самой развитой партийной системой, наоборот, их отменили в целях предотвращения низкого результата «Единой России», так как по мажоритарным округам для победы достаточно простого большинства голосов и не требуется любой ценой показывать какие-то выдающиеся результаты. Набор регионов, где прошли выборы по партийным спискам, был далек от среднероссийского: из 13 регионов в него вошли Крым, Севастополь и 6 национальных республик, 5 из которых устойчиво входят в зоны электоральных аномалий (Татарстан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Тыва, Марий Эл). В большинстве случаев было отмечено резкое падение явки по сравнению с федеральными выборами – впрочем, закономерное, так как явка на федеральных выборах обычно составляет две трети от числа имеющих право голоса, а на региональных выборах – лишь треть. Результаты «Единой России» в зонах электоральной аномалии примерно совпали с итогами парламентских выборов, а где-то даже снизились². В Брянской области за счет почти 30% досрочно проголосовавших результат «Единой России» вырос до огромных 71%, в Тульской области составил 66%, в Волгоградской области составил 60%, в Хабаровском крае 57%, в Ненецком АО 45%, в республике Алтай 44%. При общем росте в 10–20% в последнем случае он даже снизился по сравнению с выборами в Государственную думу 2011 г. (!), что объясняется активной избирательной кампанией по выборам губернатора региона – допущенные к выборам оппозиционеры В. Петров и В. Ромашкин оказали неожиданно острую конкуренцию, и губернатор А. Бердников еле-еле избежал второго тура. Выборы в городские думы ряда областных центров, прошедшие по партийным спискам, дали

1 Особенность этой процедуры в том, что невозможно в принципе обеспечить непрерывное наблюдение за судьбой запечатанного конверта после окончания голосования, возможно лишь проконтролировать количество таких «досрочников».

2 Это объясняется довольно просто: маленькие регионы с клановым устройством власти и общества вроде Кабардино-Балкарии или Тывы не имеют никаких иных шансов получить представительство в Государственной Думе, кроме как максимизировав результат «Единой России», потому что даже 20–30% за оппозиционную партию не даст мандата ее региональной группе из-за того, что в абсолютном значении это будет небольшим числом голосов, а на региональных выборах, наоборот, местная элита может, разделившись на несколько условных «партий», поделить места по партийным спискам.

«Единой России» практически повсеместно ниже половины голосов (кроме Владикавказа и Брянска), самые низкие результаты в Благовещенске (40%) и Братске (43%). В Крыму «Единая Россия» набрала 70% голосов, а в Севастополе целых 77%. В Москве из 45 одномандатных округов кандидаты «Единой России» победили с результатом свыше 50% лишь в десятке округов, в остальных довольствовались значительно более скромными результатами в районе 25–40%. В 6 округах «Единая Россия» сняла своих кандидатов в пользу кандидатов КПРФ, «Яблока», «Гражданской платформы», «Справедливой России», ЛДПР и «Родины» – в одном округе в пользу каждой партии, то есть, фактически, официальный кандидат шел не под брендом «Единой России». Однако «Яблоко», «Гражданская платформа» и «Справедливая Россия» проиграли свои согласованные округа представителям КПРФ, плюс в одном из округов кандидат «Единой России» префект ЮВАО Москвы В. Зотов неожиданно проиграл депутату МГД от КПРФ А. Клычкову. При рекордно низкой явке в 21%, кроме «Единой России» в Москве относительного успеха добилась партия с самым крупным электоральным ядром – КПРФ. Интересны результаты кандидатов «Яблока» – хотя «Яблоко» отказалось выдвигать каких-либо известных оппозиционеров, они в среднем набрали 12% голосов, а кандидаты, которые наиболее активно вели кампанию, – и 20–30%. Необходимо отметить, при этом, что хотя сами выборы в Москве прошли довольно прозрачно, низкая явка была следствием массового отказа в регистрации оппозиционным кандидатам, вынужденным собирать подписи (т.е. всем кандидатам кроме четырех парламентских партий и «Яблока») – фактически, из их числа были зарегистрированы всего 2 человека (!). Аналогичная «предварительная цензура» была опробована практически на всех губернаторских выборах (кроме республики Алтай), где сколь-нибудь сильных кандидатов до выборов не допускали. Особенно скандальной сложилась ситуация в Петербурге, где в регистрации отказали популярному кандидату О. Дмитриевой, набравшей во главе списка «Справедливой России» 23% голосов, при этом зарегистрировали нескольких кандидатов, вообще никому не известных. Скандал повторился и на выборах – при официальной явке в 40% голосов четверть явки составило досрочное голосование, что необъяснимо никаким иным образом, кроме как принуждением избирателей.

Подытоживая результаты региональных выборов, можно отметить следующее: в условиях низкой явки (треть против двух третей на федеральных выборах) результаты «Единой России» по спискам,

как правило, вырастали на 10–20%, хотя и не везде. Однако это не следует рассматривать как точный прогноз на парламентские выборы: при низкой явке доля управляемого электората вроде людей, вынужденных идти на досрочное голосование в итоговом голосовании значительно выше. Там, где ситуация для власти была наиболее неблагоприятна (Москва), власти вообще сочли за благо отменить партийные списки, а результат кандидатов-одномандатников не может быть в точности спроецирован на партию (хотя если бы мог, он оказался бы усреднен в районе 35%). Таким образом, каких-то фундаментальных изменений электорального ландшафта, которые прогнозировались многими после начала российско-украинского конфликта, не произошло.

Результаты КПРФ несколько снизились, но в целом остались стабильно уверенными, партия прошла барьер везде кроме Тывы, Крыма и Севастополя. В большинстве регионов прошли барьер и жириновцы: кроме Татарстана и Тывы. А вот результаты «Справедливой России» снизились весьма серьезно: партия прошла барьер лишь в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии и получила «утешительный» мандат в Тыве (хотя набрала менее 5%, согласно закону, по которому к пропорциональному распределению мандатов должны быть допущены минимум 2 партии). При отсутствии электорального ядра (напомним, что С. Миронов умудрился набрать на президентских выборах в три раза меньше голосов, чем партия на парламентских, т.е. партия представляет из себя коалицию региональных политиков и предпринимателей, а не лидерский проект вроде ЛДПР) на эту партию особенно негативно сказался крен в сторону союза с «Единой Россией» – голосовали за нее преимущественно оппозиционеры. В случае продолжения такой политики «Справедливая Россия» рискует не попасть в следующий парламент. Результаты непарламентских партий оказались весьма скромными. Близкая вице-премьеру Д. Рогозину «Родина» проиграла везде, кроме маленького Ненецкого АО, несмотря на богатые и агрессивные кампании с эксплуатацией украинско-крымской тематики. «Гражданская платформа» М. Прохорова участвовала лишь в одних региональных выборах в Брянской области и набрала менее 1% голосов. Правда, им удалось пройти по спискам в городские советы Элисты и Мурманска, но исключительно за счет местных лидеров, а не какой-либо помощи из Москвы. Отказ Михаила и Ирины Прохоровых от анонсированного выдвижения в Московскую городскую думу – спустя год после столь же малоубедительного отказа М. Прохорова выдвигать кан-

дидатуру в мэры Москвы – вообще ставит под вопрос дальнейшее существование этой партии. Из прочих непарламентских партий прошла барьер в Ненецком округе «Гражданская сила» А. Рявкина, «Патриоты России» Г. Семигина в Алтае и Карачаево-Черкессии и партия зеленых А. Панфилова в Кабардино-Балкарии, из чего сложно делать далеко идущие выводы.

Из политических событий весьма примечательным стало также принятие парламентом закона, требующего с 2017 г. снизить долю иностранных акционеров в российских СМИ до 20%. Причем это касается не только телеканалов (похожие ограничения есть в ряде развитых стран мира), но и печатных СМИ, что является совершенно беспрецедентным. Мишенью этих поправок являются, видимо, газета «Ведомости» и журнал Forbes как независимые СМИ, а также многочисленные неполитические телеканалы вроде СТС или Discovery. Юридически можно попробовать придумать, как обойти эту схему (например, через номинальное владение), но это создает многочисленные риски и самое главное, не исключает дальнейших творческих поправок для сокращения количества СМИ.

Во второй половине сентября 2014 г. под домашний арест был заключен один из крупнейших предпринимателей, В. Евтушенков, который обвиняется следственными органами в «легализации средств, полученных преступным путем» в связи с приобретением в 2006–2009 гг. компании «Башнефть». Одновременно следственные органы подали в суд иск о национализации контрольного пакета акций «Башнефти», принадлежащих АФК «Система», т.е. Евтушенкову и его младшим партнерам. Продавец компании – Урал Рахимов – объявлен в розыск. Ареста предпринимателя такого масштаба российский бизнес не знал со времен «дела ЮКОСа» (заключение под стражу М. Ходорковского, кстати, последовало тоже не сразу, а спустя полгода после возбуждения уголовного дела). Необходимо в этой связи вспомнить историю «Башнефти». Контрольный пакет акций этой компании был в 2002–2003 гг. довольно странно приватизирован тогдашним президентом Башкирии Муртазой Рахимовым, за небольшие деньги в пользу нескольких благотворительных фондов, связанных с его сыном Уралом. Эта история вызвала явное неудовольствие федеральных властей, вынужденных, однако, считаться с Рахимовым для электорального контроля над республикой в парламентско-президентском цикле 2003/2004 г. В итоге она завершилась компромиссом: М. Рахимов покинул свой пост, акции «Башнефти» были переведены на одно российское юридическое лицо – благотвори-

тельный фонд «Урал», у которого за 2,5 млрд долл. их приобрел В. Евтушенков. Вырученные деньги стали своего рода республиканским эндаументом, и тратятся на финансирование спортивных команд и благотворительности. Все уголовные и судебные разбирательства, тянувшиеся с 2002 г., были прекращены. Нельзя сказать, что Рахимовы ничего не нажили на этой сделке, но главное тут совершенно другое – приобретение В. Евтушенковым компании происходило с полного согласия нынешних российских властей, которые могли его вовсе и не давать, если бы не хотели. Евтушенков не был замечен также в какой-то политической активности. Более того, уже вскоре после приобретения «Башнефти» российское правительство фактически организовало передачу этой компании лицензии на месторождение Требса и Титова в Ненецком АО, устранив всех прочих конкурентов (включая, например, государственную «Газпромнефть»), претендовавших на участие в аукционе по цене, близкой к базовой (18 млрд руб.) в 2010 г. Все это никак не могло свидетельствовать о каком-то пиратском, подпольном способе обретения Евтушенковым контроля над активом. Проблемы «Башнефти» начались с тех пор, как «Роснефть» в 2012 г. возглавил И. Сечин, превратившийся из модератора интересов разных компаний на посту вице-преьера в оператора одной из них. Летом 2013 г. «Роснефть» объявляла об интересе к этому активу, но, видимо, договориться на взаимоприемлемых условиях (как с ТНК-ВР) в условиях кризиса рефинансирования крупного долга «Роснефти» и начавшимся спадом ее добычи в 2014 г. (при, напротив, стабильном росте «Башнефти» в последние годы) не получилось, и теперь «Башнефть» – в нарушение всех мыслимых сроков давности изначально оспариваемых сделок 2002–2003 гг. – пытаются национализировать. Национализация как форма, похоже, нужна с точки зрения минимизации затрат – поглощение ЮКОСа «Роснефтью» показало, что технология банкротства чревата необходимостью платить за актив большие деньги – пусть даже в государственный бюджет. Таким образом, получается, что один крупный участник рынка – без какой-либо политической, налоговой или иной подоплеки – может запросто атаковать другого, а все согласования и гарантии, ранее получавшиеся у тех же самых российских властей, мало чего стоят (в этом, кстати, важное отличие от «дела ЮКОСа», полупринудительных выкупов «АвтовАЗа», «ВСМПО-Ависма», «Сахалина-2» – там речь шла об активах, приобретенных при прежних властях). Ряд известных чиновников и предпринимателей выступили с протестами против «дела Башнефти», указывая на его вред для инвестици-

онного климата и в без того непростой обстановке. Однако высшее руководство страны пока молчит.

Российское правительство одобрило проект бюджета на 2015–2017 гг., разрешив некоторые спорные вопросы, активно дебатировавшиеся еще в августе. От повышения основных налогов – в том числе введения налога с продаж пока решено отказаться. Судьба пенсионных накоплений также остается «подвешенной» – участникам рынка вернут деньги за 2013 г., но ни денег 2014 г., ни новых поступлений в 2015 г. им не будет. Не будет пока и сокращения пенсий работающим пенсионерам, хотя сократятся льготы по социальным платежам для высокооплачиваемых сотрудников. Не изменится пока и принцип расходования не более 60% ФНБ, что, видимо, означает сокращение уже согласованного финансирования на проекты строительства ЦКАД, расширения Транссиба и БАМа, финансирования взноса в капитал Российского фонда прямых инвестиций, учитывая появление новых претендентов на эти деньги – «Роснефти», «Новатэка», «Роснано», «Альфа-банка», РЖД и т.п. Не будет и пересмотра политики Резервного фонда (его вице-премьер О. Голодец также предлагала потратить средства на

что-то важное, без уточнения на что). В целом бюджет на 2016 г. принимается с дефицитом 0,6% ВВП, но без традиционной подушки безопасности в виде заниженного прогноза цены на нефть – она уже сейчас упала ниже, чем прогнозируемые бюджетными проектировками 100 долл./барр. российских сортов. Видимо, как и в 2013–2014 гг., основным скрытым резервом доходов бюджета останется девальвация рубля, которая и так уже за год с небольшим составила, фактически, 25%. Такова цена политики российского правительства, не готового снижать государственные расходы.

Пост президента компании «АЛРОСА» покинул Ф. Андреев, выходец из петербургского банковского сообщества, затем долгое время работавший в РЖД, руководивший компанией с 2008 г., официально – по состоянию здоровья. Несмотря на неплохие результаты экономической деятельности компании и удачное IPO в 2013 г., с лета этого года у Андреева обозначились явные противоречия с курирующим компанию вице-премьером Ю. Трутневым. Рынок ожидает, возглавит ли компанию кто-то из команды Ф. Андреева или команда будет сменена. ●